

«УТЮЖКИ» — СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ: от мастерства к специализации

И. В. Усачева

Проводится анализ условий местоположения «утюжков» в контексте конкретных памятников, особенно в погребальных комплексах, что позволяет автору прийти к выводу о раннем (не позднее неолита-энеолита) выделении мастеров и отдельных видов мастерства, а значит, и определенной социальной стратификации в обществе.

«Утюжки», мастер, мастерство, половозрастная специализация, выпрямитель древков, тростник, стрелы и дротики, престижные вещи, социологический аспект, погребальный инвентарь, культурный стереотип.

Одним из проблемных по отношению к «утюжкам» всегда был вопрос их относительной малочисленности. Как показывает статистика, до 70 % находок «утюжков» представлены одним экземпляром на памятник, двумя — уже только 10–13 %. Случаи фиксации свыше двух экземпляров единичны и часто соотносятся либо с многослойными, либо со специализированными (культовыми) памятниками. Возможно, такие показатели уместны для сакральных (вотивных) предметов, однако, если принять гипотезу о связи поперечно-желобчатых изделий с технологической новацией [Усачева, 2006], это требует объяснения. На первый взгляд одна из причин такого положения очевидна — неравномерный и ограниченный характер археологических исследований. Тем более что, как правило, даже те памятники, которые изучаются раскопами, вскрываются не полностью. Красноречивый пример — территория Среднего Зауралья, где «утюжки» фиксируются как в неолитических, так и в энеолитических комплексах. Здесь по информации конца 90-х гг. XX в. было известно 323 памятника с культурными слоями эпохи энеолита, и лишь 44 (13,6 %) из них были ч а с т и ч н о (учитывалась даже шурфовка) раскопаны [Чаиркина, 2005. С. 51–52]. Однако объяснить малочисленность «утюжков» только слабой исследованностью отдельных территорий и памятников сложно, ибо этому противоречат неоднократные наблюдения, свидетельствующие, что даже в условиях достаточных площадей вскрытия однокультурных слоев подобные предметы остаются редкими находками: Кюльтепе (Западный Ирак), Джейтун (Средняя Азия), Мергень 6 (Пришимье). При этом обращает на себя внимание факт, что на поселениях, где «утюжков» было найдено свыше одного, они в ряде случаев оказываются связаны с одним из домов поселка. Так, на поселении Исетское Правобережное (Средний Урал) два из трех «утюжков» найдены в одном жилище (№ 13), а третий происходит из переотложенного слоя около этой же постройки [Викторова, Кернер, 1998. С. 66–67].

Еще более показателен пример могильников. Помимо достаточно красноречивых фактов нахождения «утюжков» в одиночных захоронениях (Рус Шуган, Крутиха 5, Константиновское 1, Шайтанское Озеро), примечательно, что на массовых некрополях «утюжки» присутствуют лишь в единичных погребениях. Так, на Боровянке 17, где было исследовано более 20 могил эпохи энеолита, найден 1 экз., на Усть-Ише на 11 могил приходится 3 экз., на Верхней Алабуге на 36 энеолитических погребений — 1 экз. (позднее был найден второй, но нет информации, сколько погребений было при этом вскрыто), на Липовом овраге на пять исследованных могил — 1 экз., на Сопке 2 раскопано свыше 200 синхронных погребений (кротовская культура) и найдено всего 2 экз., в Ростовке на 38 погребений приходится 1 «утюжок» и 1 выпрямитель стрел лесного типа (песчаниковый, продольно-желобчатый) [Хвостов, 2001. С. 134; Кирюшин и др., 2000. С. 9; Потемкина, 1982. С. 161; Агапов и др., 1979. С. 151; Молодин, 1985. С. 75; Матющенко, Синицына, 1988. С. 57]. По урочищу Клады, где зафиксировано свыше 60 курганов, значительная часть из которых вскрыта, имеется информация о находке только одного «утюжка» в погребении 5 кургана 31 [Мунчаев, 1994. С. 161].

Во всех могильниках захоронения, в которых зафиксированы «утюжки», как отмечают авторы раскопок, отличаются богатым и/или нестандартным погребальным инвентарем (Рус Шуган, Боровянка 17, Усть-Иша, Сопка 2, Раздумье, урочище Клады, Шайтанское Озеро и др.) [Казаков, 1978. С. 168–169; Хвостов, 2001. С. 135; Кирюшин и др., 2000. С. 22; Молодин, 1985. С. 46;

Уманский, 1987. С. 85; Мунчаев, 1994. С. 186; Сериков, 2005. С. 102; и др.]. Так, например, русшуганского погребенного, который лежал вытянуто на спине, сопровождал богатый набор, резко контрастирующий с синхронными ему комплектами. В него входило около 100 бусин из раковин, несколько десятков резцов сурка, 20 фрагментов одного сосуда, орнаментированного поясами шагающей гребенки, подборка каменных и костяных орудий, в том числе вкладышевые предметы, а также массивный наконечник дротика длиной 16 см, толщиной 2 см [Казаков, 1978. С. 168–169]. В. А. Хвостов по отношению к энеолитическому комплексу могильника Боровянка 17 отмечает различную насыщенность захоронений погребальным инвентарем: встречаются как богатые, так и безынвентарные погребения [2001. С. 135]. К богатым он относит две могилы, в том числе могилу с «утюжком» (№ 14), где помимо такового было зафиксировано еще 14 каменных предметов (Погодин Л. И., устное сообщение).

К экстраординарным относится погребение (№ 5) с «утюжком» в урочище Клады у ст. Новосвободной в Прикубанье. По данным Р. М. Мунчаева, по богатству курган 31 уступает лишь майкопскому [1994. С. 185–186]. Это крайняя северная насыпь в ряду из 8 наиболее крупных курганов могильника (диаметр 61 м, высота 4,1 м). В основании расчищено 3 кромлеха (каменных кольца). Под насыпью и в насыпи находилось 6 погребений, из которых 5 относительно бедны, одно (№ 5) — поражает богатством. Оно представляло собой двухкамерную гробницу, перекрытую двумя каменными плитами и располагалась к ЮЮВ от центра. В могиле зафиксированы останки ребенка до 7 лет и взрослого, погребенного скорченно на правом боку, головой на ЮЮВ. Камеры заполняли десятки вещей, лежавших в 2–3 слоя. «Там, в частности, найдены: четыре бронзовые разнотипные и один каменный топоры, 14 бронзовых ножей-кинжалов, включая вотивные, и один кремневый, бронзовый меч длиной 63,5 см, кремневые асимметричные наконечники стрел, два бронзовых долота, серебряная и бронзовая стамески, бронзовые шилья (3) и игла, два бронзовых крюка, бронзовое колесо (штандарт), точильный и гладильный камни, бронзовый слиток (7×3×0,7 см), три деревянные палочки длиной от 8 до 11,8 см, бронзовая бляшка, игральные кости (6 экз.), бронзовые (блюдо, котел, две глубокие чаши и др.) и шесть глиняных орнаментированных сосудов, бронзовая и серебряная фигурки собак, две серебряные посоховидные булавки, золотые и серебряные бляшки и бусины, подвески из горного хрусталя, сердоликовые бусины (104 экз.), серебряная пронизка, золотые кольца, подвеска из зуба человека в золотой обойме, две золотые подвески с кинжальчиком, а также кремневая ножевидная пластина» [Мунчаев, 1994. С. 186]. Кроме того, там находились наковаленки для изготовления золотых и серебряных украшений, гладилки-выпрямители для металлической фольги, молоток дляковки [Коробкова, Шаровская, 1983. С. 91, 92].

Примеры можно продолжать, однако, по всей видимости, имеет смысл коснуться еще лишь одного, а именно погребального набора с «утюжком» могильника Ростовка, который выглядит «бедным» на фоне действительно богатых могил. Но так ли это на самом деле? Напомним, авторы монографии отмечали, дословно, «полярную противопоставленность» могил по количеству и составу погребального инвентаря [Матющенко, Синицына, 1988. С. 66]. Богатым инвентарем (бронзовые и золотые изделия, предметы из нефрита, каменные и костяные поделки) сопровождается всего 6 захоронений из 38. Им противостоят 15 погребений с крайне скудным инвентарем или вообще без него. По мнению Е. Н. Черныха и С. В. Кузьминых, в факте разнородности погребального инвентаря могильника Ростовка находит отражение двухкомпонентный характер культуры оставившего его населения — металлурги и коневоды (вероятно, всадники), с одной стороны, и охотники и рыболовы — с другой [1987. С. 104]. Социально доминирующие кланы авторы склонны видеть среди металлургов-коневодов, о чем свидетельствуют богатые и выразительные погребения с оружием и литейными формами. Беднейшие погребения, как правило, представлены лишь кремневыми изделиями без металла, явно принадлежат второй группе, т. е. охотникам и рыболовам. И далее: «Не исключено, что в рамках этих объединений могла возникнуть и сохраняться достаточно четкая социально-клановая иерархия, обусловленная происхождением того или иного члена коллектива, а также характером его основных занятий» [Там же]. Если исходить из этих положений, а они достаточно убедительны, бедным захоронение с «утюжком» выглядит лишь на фоне погребений скотоводческо-металлургической элиты. При сравнении в рамках однородной выборки погребального инвентаря представителей рыболовческо-охотничьего уклада, с которым логично соотносить подобные изделия [Усачева, 2005], картина сразу меняется. Становится очевидным, что для группы охотников и рыболовов, среди захоронений которых много вообще безынвентарных, данный погребальный комплект,

безусловно, следует считать богатым — в его составе помимо представительной серии изделий из камня (13 экз.) и скопления фрагментов керамики имеется даже бронзовый предмет (четырёхгранное шило) [Матющенко, Синицына, 1988. С. 39].

В тех редких случаях, когда имеется информация по полу и возрасту погребённых, оказывается, что это всегда мужчины. Причем в двух случаях возраст составлял 50–60 лет (Усть-Иша, могила 9; Боровянка 17, могила 14), в одном — около 50 лет (Сопка 2, курган 48, погребение 1), в одном — 40–45 лет (Раздумье 1, могила 7)¹ [Кирюшин и др., 2000. С. 22; Молодин, 1982. С. 13; Уманский, 1987. С. 85]. В Ростовкинском могильнике «утюжок» залегал в скоплении между двумя могилами. Пол и возраст погребённого в могиле 27 не установлены. В могиле 28, с которой предположительно связан «утюжок», что будет обосновано чуть ниже, захоронен мужчина в возрасте 30–35 лет². При этом, как отмечают авторы исследования, положение костей правой ступни даёт основание предполагать, что при жизни она у него была повернута влево — пяточная кость оказалась сверху других костей, хотя никаких признаков нарушения могилы в этом месте нет [Матющенко, Синицына, 1988. С. 38–39]. Таким образом, «утюжки» в погребениях оказываются связаны либо с калекками, либо с лицами, возраст которых значительно превышает среднестатистические показатели (30–35 лет).

В связи с вышеизложенным интересно проследить местоположение поперечно-желобчатых изделий в могилах. К сожалению, такую информацию удалось получить лишь по нескольким захоронениям, к тому же относящимся к позднему периоду существования «утюжков», но она представляется весьма любопытной.

*Грунтовый могильник Боровянка 17*³. Среднее Прииртышье, энеолит. «Утюжок» найден в могиле 14 (рис., 1). Могильная яма максимальными размерами 110×215 см, вытянутая по линии ЮЗЗ–СВВ, имела подовальную форму с неровными почти отвесными стенками. Углублена в материк на 40–50 см. В восточном конце располагался небольшой приступок шириной до 70 см, высотой от дна 8–9 см. На дне ямы фиксировалась мощная охристая подсыпка толщиной до 15 см. Умерший был захоронен в вытянутом положении головой на СВВ. От скелета сохранились раздавленный череп, располагавшийся на приступке, и отдельные мелкие кости, в том числе кисти правой руки. Голова была уложена на правую сторону, лицом на ССЗ. На черепе сохранились следы окрашенности охрой, под ним расчищена плотная прослойка охры толщиной 4 см. Погребальный инвентарь включает 13 предметов, и еще два (мелкие отщепы) были найдены в заполнении. В средней части могилы, у южной стенки, находился небольшой шлифованный топорик; у костей правой кисти — шлифованное каменное изделие (нож). В заполнении норы, у северо-западной стенки ямы, зафиксировано изделие из сидерита. Остальной инвентарь располагался за черепом: сломанный пополам каменный «утюжок», два каменных наконечника стрел — сломанный и целый, каменный шлифованный топорик, проколка, две ножевидные пластины, два обломка каменных орудий и отщеп.

Грунтовый могильник Раздумье 1. Верхнее Приобье, энеолит (ирбинский тип) [Уманский, 1987. С. 84–86; Кирюшин, 2002. С. 45]. «Утюжок» найден в могиле 7 (рис., 2). Могильная яма имела неправильно-овальную форму с расширением в юго-западной половине. Размеры ямы — 1,55×0,75–1,20 м, глубина — 1,35 м от уровня современной поверхности. Ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ и повреждена, вероятно, еще в древности. На дне, почти в центре могилы, найдена черепная коробка, окрашенная в бледно-розовый цвет, а у западной стенки — зуб, принадлежавшие мужчине монголоидного типа. В северо-восточной части могилы, у стенки, сохранились остатки кола. За черепом в кучке лежали костяной гарпун, два костяных ретушера, точильная пластина, обломки раковины речного моллюска и костяных пластинок, мелкие косточки животного, камни и среди них «утюжок», трактующийся А. П. Окладниковым как каменная скульптурка головы верблюда. У восточной стенки ямы найден грубый наконечник стрелы из кварцита (?) с треугольным очертанием пера; в юго-западном конце могилы лежали две точильные пластины, три камня, три обломка костяной пластины, рог косули и заизвесткованный черепок толстостенного сосуда грубой работы. Автор раскопок А. П. Уманский, отмечая необычный состав инвен-

¹ Определение пола и возраста выполнено В. А. Дремовым (Усть-Иша, Сопка 2), О. Е. Пошехоновой (Боровянка 17), В. А. Дремовым и Н. С. Розовым (Раздумье 1).

² Определение пола и возраста выполнено В. А. Дремовым.

³ Автор выражает благодарность Л. И. Погодину, любезно предоставившему свои материалы.

«Утюжки» — социологический аспект: от мастерства к специализации

таря могилы 7, высказывает предположение о возможной принадлежности этого погребения шаману [1987. С. 86].

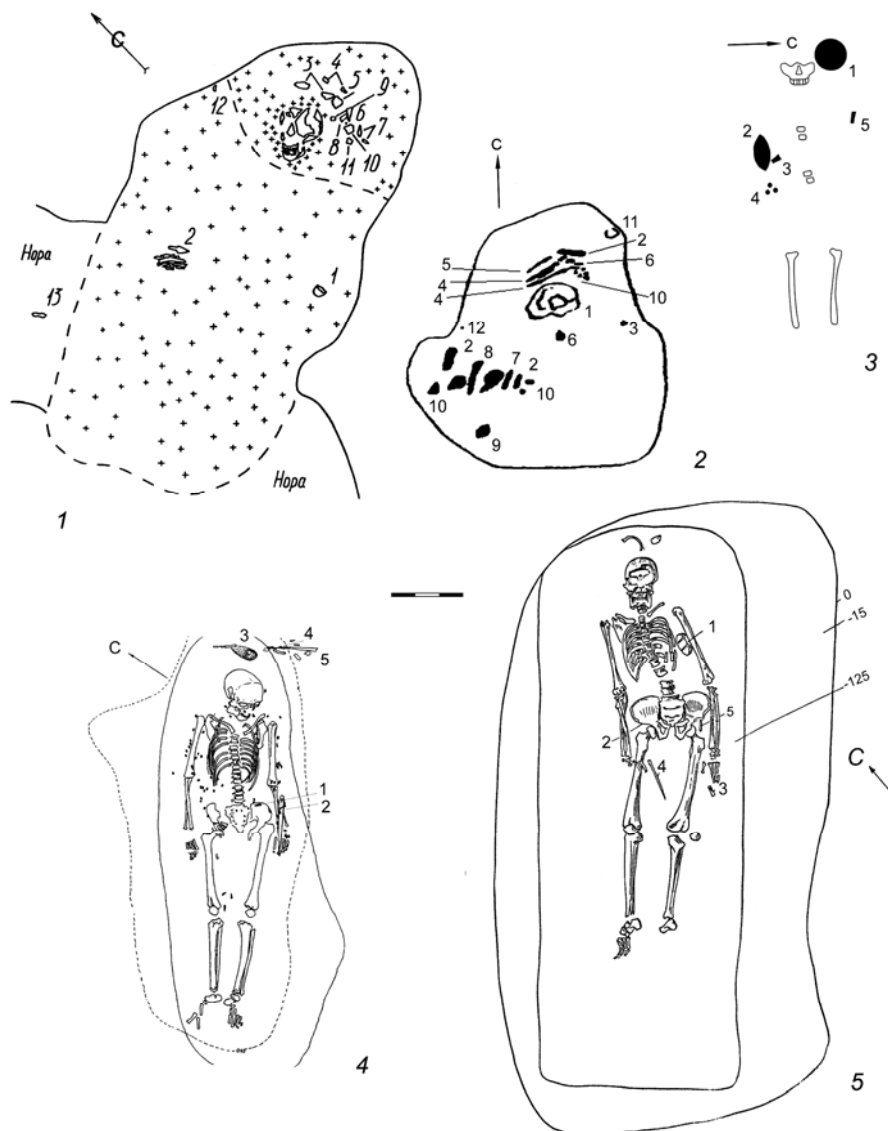

Рис. Погребения с «утюжками»:

1 — Боровянка 17, могила 14: 1, 5 — шлифованный топорик, камень; 2 — шлифованное каменное изделие (нож или наконечник стрелы); 3 — сломанный на две части «утюжок», камень; 4 — сломанный наконечник стрелы, камень; 6 — проколка; 7 — наконечник стрелы, камень; 8, 9 — ножевидные пластины; 10, 11 — обломки каменных орудий; 12 — отщеп; 13 — изделие из сидерита (по Хвостову В. А. и Погодину Л. И., устное сообщение); 2 — Раздумье 1, могила 7: 1 — череп; 2 — точильная пластина; 3 — наконечник стрелы, камень; 4 — костяной ретушер; 5 — костяной гарпун; 6 — обломки раковины речного моллюска и костяных пластинок, мелкие кости животного, «утюжок»; 7 — три обломка костяной пластины; 8 — рог козули; 9 — фрагмент керамики; 10 — изделие из камня, 11 — остатки кола, 12 — зуб человека (по: [Уманский, 1987. С. 88, рис. 3]); 3 — Крутиха 5, погребение 3: 1 — сосуд; 2 — «утюжок», камень; 3 — обкладка для лука (?), кость; 4 — скребки; 5 — шлифованный нож, камень (по: [Молодин, 1977. С. 40, рис. 5]); 4 — Усть-Иша, погребение 9: 1 — наконечники стрел; 2 — костяной кинжал; 3 — «утюжок»; 4 — гарпун; 5 — каменный брусок (по: [Кирюшин и др., 2000. С. 81, рис. 16]); 5 — Сопка 2, курган 48, погребение 1: 1 — «утюжок», камень; 2 — точильце; 3 — конкреция; 4 — проколка, кость; 5 — изделие из камня: стержень-рыбка (по: [Молодин, 1981. Рис. 54])

Грунтовый могильник Крутиха 5. Верхнее Приобье, энеолит (ирбинский тип) [Молодин, 1977. С. 41]. «Утюжок» зафиксирован в погребении 3 (рис., 3). Следы могильной ямы не прослеживались. Покойник лежал на глубине 35 см от поверхности в слое черной супеси. От скелета взрослого человека сохранились только лицевые кости черепа, бедренные кости и несколько позвонков. Все кости лежали в анатомическом порядке. Ориентация покойника — западная. В области грудной клетки погребенного обнаружены три кремневых скребка на отщепках случайной формы. В области правой руки лежал «утюжок» и рядом с ним обломок шлифованного ножа и костяной предмет — обкладка для лука (?). Слева от черепа был обнаружен раздавленный плоскодонный сосуд ирбинского времени.

Грунтовый могильник Усть-Иша. Верхнее Приобье, северные предгорья Алтая, энеолит [Киришин и др., 2000. С. 13]. «Утюжок» найден в погребении 9, завершающем северный могильный ряд. Могильная яма размерами 2,05×0,58–0,80 м углублена от дневной поверхности на 0,45 м. Умерший лежал на спине головой на СВ. Руки вытянуты вдоль тела, голова слегка наклонена вперед и влево (рис., 4). Длина костяка — 1,70 м. На левой руке острием к пальцам лежал костяной кинжал. Туловище до таза украшали «лепестковые» подвески из зубов марала. Они распространялись в районе плечевых костей, огибали кинжал и с правой руки спускались на правый бок. Скопления подвесок из крупных зубов животного отмечены с внешней стороны левой руки. Подвески иного типа (3 шт.) из длинных зубов животного находились у коленей между бедренных костей. Под левой половиной таза лежали два наконечника стрел. Над головой погребенного лежали крупный орнаментированный «утюжок» и наконечник гарпуна с каменным «удлинителем (?)» [Там же].

Грунтовый могильник у д. Ростовка. Среднее Прииртышье, эпоха бронзы [Матющенко, Синицына, 1988. С. 38–40]. «Утюжок» найден в скоплении между могилами 27 и 28. Могила 27 неправильно-подпрямоугольной формы размерами 85×140 см была ориентирована в направлении В–З. Кости погребенного беспорядочно заполняли могильную яму. В разных ее местах, но в целом выше костей лежали фрагменты керамики. Могила 28 располагалась северо-западнее могилы 27 и была ориентирована в том же направлении. Форма могильной ямы подпрямоугольная, размеры — 80×180 см. Умерший был уложен головой на восток. Сохранились кости ног, остатки черепа, обломки ребер и левая локтевая кость. Сопровождающего инвентаря в могиле не обнаружено.

Скопление погребального инвентаря между могилами включало: четыре ножевидные пластинки — три без обработки и одну с обработкой, бронзовое четырехгранное шило, шесть отщепов и фрагмент керамики. Чуть южнее залежали: скопление керамики, обломок ножевидной пластины, два отщепа и сломанный пополам «утюжок». Если учесть то обстоятельство, что в могиле 27 погребальный инвентарь присутствует (керамика), а в могиле 28 — нет, можно предполагать, что его следует соотносить именно с последней, по отношению к которой он залегает в области головы погребенного, точнее, за головой. То есть именно в той позиции, которая уже неоднократно была прослежена ранее (см. выше).

Курганный могильник⁴ Сопка 2. Барабинская лесостепь, эпоха бронзы [Молодин, 1982. С. 12–13; 1985. С. 46]. «Утюжок» найден в погребении 1 кургана 48 кротовской культуры. Курган имел насыпь округлой формы диаметром 8,5 м и высотой 0,24 м от уровня современной поверхности. Юго-западная пола кургана частично перекрыла два погребения. В насыпи зафиксирован кротовской сосуд баночной формы. Интересующее нас погребение 1 было двухъярусным и связано с могильной ямой подпрямоугольной формы размерами 280×145 см, снабженной 15-сантиметровыми заплечиками. Погребение верхнего яруса представлено черепом без нижней челюсти, лежавшим на теменной части, фрагментами ребер и плечевой кости. В северном углу могилы обнаружен каменный диск с отверстием в центре. Погребенный нижнего яруса лежал на спине в вытянутом положении головой на СЗ (рис., 5). С левой стороны на уровне сердца между ребрами и плечевой костью обнаружен «утюжок» со следами прокраски охрой. Он лежал несколько на боку уплощенной стороной вверх. Под тазовыми костями найдены маленький абразив и изделие из гальки вытянутой цилиндрической формы, трактованное как изображение

⁴ В. И. Молодин, автор раскопок некрополя Сопка 2, отмечал несовпадение ряда кротовских курганных насыпей с кротовскими захоронениями. Было высказано предположение о вторичности насыпей по отношению к погребениям, т. е. возводились они позже, чем сооружались могилы, однако, несомненно, связаны с могильником, являясь своеобразными маркерами отдельных групп могил [Молодин, 1985. С. 75–76]. Таким образом, кротовский могильник Сопка 2 фактически является промежуточным между грунтовым и курганным типом памятника.

«Утюжки» — социологический аспект: от мастерства к специализации

рыбки. Около левой кисти обнаружена конкреция, а около правого бедра с внутренней стороны — костяная проколка. Обломок еще одного «утюжка» найден в насыпи кургана 15.

Взаиморасположение погребального инвентаря в могилах с «утюжками»

Памятник, объект	Местоположение «утюжка» в могиле	Сопровождающий инвентарь	
		Рядом с «утюжком»	Иное местоположение
Боровянка 17, могила 14	За головой	Целый и сломанный наконечники стрел из камня, шлифованный топорик, проколка, две ножевидные пластины; два обломка каменных орудий, отщеп	Шлифованный топорик, шлифованное изделие из камня (нож), изделие из сидерита, два отщепла
Раздумье 1, могила 7	За головой	Костяной гарпун, два костяных ретушера, точильная пластина, обломки раковины речного моллюска и костяных пластинок, мелкие косточки животного, камни	Наконечник стрелы из камня, две точильные пластины, три камня, три обломка костяной пластины, рог козули, фрагмент керамики
Крутиха 5, могила 3	В области правой руки	Обломок шлифованного ножа и костяной предмет — обкладка для лука (?)	Три скребка из камня, сосуд
Усть-Иша, могила 9	За головой	Наконечник гарпуна с каменным «удлинителем (?)»	Костяной кинжал подвески, два наконечника стрел
Ростовка, между могилами 27 и 28	За головой погребенного в могиле 28	Скопление керамики, обломок ножевидной пластины, два отщепла	Четыре ножевидные пластинки — три без обработки и одна с обработкой, бронзовое шило, шесть отщепов и фрагмент керамики
Сопка 2, курган 48, погребение 1	В области сердца	—	Маленький абразив, изделие из гальки (изображение рыбки?) конкреция, костяная проколка

Несмотря на малое количество наблюдений, в сопровождающем инвентаре погребенных с «утюжками» отчетливо просматривается существование ряда общих черт, которые трудно отнести к категории случайных совпадений. Так, во-первых, как явствует из сводной таблицы, погребальный инвентарь интересующих нас захоронений не содержит предметов, связанных с производящими формами хозяйства, что косвенно подтверждает востребованность «утюжков» именно в среде коллективов, ориентированных на присваивающие формы экономики, т. е. у рыболовов и охотников. Во-вторых, обращает на себя внимание тот факт, что почти повсеместно «утюжки» положены не в индивидуальной позиции, что было бы уместным для ритуального предмета, но в комплекте с орудийно-оружейным набором (топорики, проколки, шило, ножи и т. д.). В-третьих, следует отметить специфический характер этого набора: в него почти повсеместно входят наконечники стрел или гарпунов (возможно, изначально лежали все-таки стрелы и дротики, а не только наконечники), отмечен каменный удлинитель (?), который мог играть одновременно и роль утяжелителя составной стрелы или дротика, наконец, в двух случаях зафиксированы костяные пластинки, предположительно накладки для лука. Осмысленный и заданный характер комплектации наборов погребального инвентаря не вызывает сомнений. Здесь налицо — культурный стереотип, который понимается как «фиксированное отражение целенаправленной деятельности в материальных остатках, определенный опредмеченный стандарт социальных потребностей» [Семенова, 2008. С. 19].

Поскольку сегодня общепринято считать, что самые устойчивые стереотипы складываются в погребально-поминальной сфере, мы можем расценивать специфику прослеженных погребальных наборов как длительную во времени и консервативную форму стереотипизации общественного опыта. Интересно отметить, что, по мнению специалистов, эту стереотипизацию можно интерпретировать как «универсалии, восходящие к архетипическим преформам» [Там же]. Применительно к данной ситуации понимание этого тем более важно, что анализируемые погребения достаточно удалены друг от друга во времени и пространстве и, более того, относятся в большинстве к разным культурам, связь между которыми не всегда очевидна. И тем не менее мы с большой долей уверенности можем констатировать, что в представлении людей, их совершавших, «утюжки» оказываются неотделимы от стрел и дротиков. Что это, как не архаи-

ческая универсалия? И это хорошо согласуется с гипотезой об использовании «утюжков» в качестве инструмента для изготовления древков стрел и дротиков (выпрямитель тростниковых стержней) [Усачева, 2006].

Рассматривать этих погребенных в качестве среднестатистических охотников или рыбаков мешает явная выделенность отмеченных могил на общем фоне могильников. С другой стороны, нет оснований расценивать данные захоронения как погребения жрецов, ибо никакой специальной жреческой атрибутики, если не считать за таковую возраст погребенных или собственно «утюжки», — нет. Зато привлекает внимание местоположение наборов с «утюжками» в могиле — за головой или в области груди-правой руки, что должно подчеркивать ценность и значимость данного сопроводительного набора для погребенного. Причина, по всей видимости, кроется в особом прижизненном статусе умершего. Как совершенно справедливо обратили внимание Ю. Ф. Кирюшин с соавт., анализируя погребальный обряд могильника Усть-Иша, что захоронение старика из могилы № 9 отличается от остальных мужских захоронений составом инвентаря: «Сопроводительный инвентарь погребения № 9 несколько нестандартный: единственный вкладышевый кинжал на левой руке, стерженьки рыболовных крючков, утюжок и наконечник гарпуна выделяют захоронение из всей мужской группы. Функциональный уклон инвентаря здесь скорее направлен в сторону рыболовства и изготовления орудий промысла, не требующих от человека мобильности охотничьего передвижения. Оружие гарпунного типа не свойственно для стандартного набора охотничьего оружия могильника. Его могли использовать как на охоте, так и при добыче крупной рыбы. Мужчина — самый старший из всех погребенных, в возрасте 50–60 лет, и это, возможно, объясняет его место в социальной сфере общества. Атрибуты захоронения старика указывают на иной его статус в обществе, связанный с подсобным родом занятий» [2000. С. 22].

Обзор погребений с «утюжками» позволяет шире взглянуть на проблему. Учитывая, что повсеместно таковые погребения отличаются не только специфическим набором инвентаря, но и его относительным богатством, здесь, по всей видимости, речь необходимо вести не просто о подсобном роде занятий, а о жизненно важном мастерстве, каковым и могло являться изготовление стрел и дротиков. И, почти наверняка, о сакрализации с какого-то момента данного вида мастерства. В этом случае повышенное внимание к погребенным с «утюжками», указывающее на особый прижизненный статус этих людей, вполне объяснимо, а редкая встречаемость таких могил должна свидетельствовать о немногочисленности в коллективе мастеров, владевших соответствующими навыками. И в этом смысле «утюжки», пользуясь терминологией А. Д. Резепкина, можно отнести к категории «функционально-престижных» вещей, в отличие от обычных «функционально-утилитарных» (цит. по: [Мунчаев, 1994. С. 186]). Причем, учитывая имеющиеся возрастные показатели, мастерство это было ориентировано на зрелый и пожилой возраст. Что не удивительно, учитывая полученный в ходе эксперимента опыт, позволивший установить, что изготовление древков стрел из тростника требует особых навыков терпения, выдержки и, главное, неспешности, ввиду чрезвычайной хрупкости исходного материала. То есть таких навыков, которые естественным путем обретаются с возрастом и не свойственны молодежи. По крайней мере, это наблюдение, в дополнение к уже приведенному выше замечанию о возрастной потребности в пониженной мобильности, может быть одним из вариантов объяснения преклонного возраста соответствующих мастеров.

О том, что такая специализация в древности существовала и была, по-видимому, не таким уж редким явлением, свидетельствуют и другие факты. Так, о находках семи выпрямителей лесного типа (песчаниковые, продольно-желобчатые) в Цергейском курганном могильнике времени средней бронзы (раскопки М. Г. Гаджиева, 1966 г.) сообщает Н. Я. Мерперт (устная информация). М. В. Андреева при описании курганного могильника Чограй VIII отмечала, что среди 23 погребений времени расцвета катакомбной культуры два выделялись «специализированными» наборами сопровождающего инвентаря и «могут интерпретироваться как захоронения мастеров — изготовителя кремневых наконечников стрел (12:3) и плотника (30:2)» [1989. С. 73]. В том погребении (курган 12, погребение 3), которое она считает могилой изготовителя кремневых наконечников стрел, помимо 13 наконечников и некоторых других категорий вещей, зафиксированы также 3 выпрямителя древков стрел (лесной тип), поэтому его, видимо, правильнее толковать как захоронение мастера по изготовлению стрел, а не только наконечников. Любопытно, что данный курган относится к числу наиболее крупных в могильнике и является самым высоким. От других он отличается также наличием ступеньки внутри камеры. Еще одна особен-

«Утюжки» — социологический аспект: от мастерства к специализации

ность — обильная подсыпка охры. Особо отмечается окрашенность лицевой части черепа. Погребенный — мужчина возмужалого (до 35 лет) возраста [Андреева, 1989. С. 38, табл. 2, 4, 5].

Таким образом, небезосновательным кажется предположение, что ограниченное количество «утюжков» предполагает специализацию и сакрализацию связанного с ними мастерства. Именно существованием мастеров, обеспечивавших определенные коллективы необходимой продукцией, и можно непротиворечиво объяснить относительно малое количество соответствующих инструментов. Время зарождения специализации, вероятно, следует относить к неолиту. Хотя не исключено, как о том свидетельствуют ближневосточные материалы, даже к более раннему периоду. Вполне возможно, что такая традиция была распространена не повсеместно, однако в любом случае это довольно любопытные наблюдения, проливающие свет на нюансы социальной организации древних обществ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Агалов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И. Раскопки энеолитических могильников в Хвалынском районе Саратовской области // АО 1978 г. М.: Наука, 1979. С. 150–151.
- Андреева М. В. Курганы у Чограйского водохранилища: (Материалы раскопок экспедиции 1979 г.) // Древности Ставрополя. М.: Наука, 1989. С. 24–124.
- Казakov Е. П. Неолитические погребения в восточных районах Татарии // СА. 1978. № 2. С. 165–177.
- Викторова В. Д., Кернер В. Ф. «Утюжки» с неолитических и энеолитических памятников Зауралья // ВАУ. 1998. Вып. 23. С. 63–80.
- Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. 294 с.
- Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю., Кадиков Б. Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2000. 117 с.
- Коробкова Г. Ф., Шаровская Т. А. Функциональный анализ каменных и костяных изделий из курганов эпохи ранней бронзы у станиц Новосвободной и Батуриной // Древние культуры евразийских степей. Л.: Наука, 1983. С. 88–94.
- Матющенко В. И., Сеницына Г. В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: ТГУ, 1988. 135 с.
- Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 173 с.
- Молодин В. И. Отчет об археологических исследованиях в Барабинской лесостепи летом 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1/8387. М., 1982.
- Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Сериков Ю. Б. Символическая граница между мирами по данным археологии // Проблемы археологии и древней истории Урала. Нижний Тагил: НТГСПА, 2005. С. 102–107.
- Мунчаев Р. М. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 158–225.
- Потемкина Т. М. Черты энеолита лесостепного Притоболья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: Куйбышев. пед. ин-т, 1982. С. 159–172.
- Семенова, В. И. Мифология мира мертвых (по мифологическим и археологическим источникам Западной Сибири). Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2008. 213 с.
- Уманский А. П. Археологические памятники урочища Раздумье // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1987. С. 81–99.
- Усачева И. В. «Утюжки» в культурах Евразии // ВИАЭ. 2005. № 6. С. 12–23.
- Усачева И. В. Эти загадочные «утюжки»: к вопросу о функциональном назначении // Урал. ист. вестн. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2006. Вып. 14. С. 63–74.
- Хвостов В. А. Захоронения эпохи энеолита могильника Боровянка-XVII в Среднем Прииртышье // Проблемы изучения неолита в Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 134–139.
- Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 314 с.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 84–105.

Тюмень, ИПОС СО РАН

The article by I. V. Usacheva examines conditions of the “utyuzhki” location in the context of specific sites, particularly in burial complexes, which enables the author to come to the conclusion on early (not later than the Neolithic and Aeneolithic periods) separation of craftsmasters and certain types of craftsmanship, and hence, certain social stratification in the society.

The “utyuzhki”, craftsman, craftsmanship, sex-and-age specialization, straightener of poles, reed, arrows and darts, prestige articles, sociological aspect, burial inventory, cultural stereotype.